

Е. В. Харитоновна

ОБРАЗ ИСТОРИЧЕСКОГО ПРОШЛОГО УРАЛА В СОВРЕМЕННОЙ НАУЧНО-ПОПУЛЯРНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ ДЛЯ ПОДРОСТКОВ*

Региональные особенности детской литературы Урала определяются в значительной степени геокультурной спецификой края, обладающего легендарными природными богатствами и достаточно поздно освоенного. Со второй половины XX в. на Урале создавалась научно-популярная литература для детей, подростков и юношества, главная задача которой — сообщение подрастающему человеку достоверных сведений о мире. Большинство таких книг было написано авторами, умеющими облечь обширную научную информацию в увлекательную форму. Так, широкую популярность получили книги профессионального химика и одновременно старшей детской писательницы Урала Б. А. Дижур.¹ Одним из самых известных уральских писателей, создававших книги о животных, был Б. С. Рябинин² — инженер-механик, журналист, автор сценариев для многих документальных и научно-популярных фильмов. Книга «Мишин самоцвет» (1960) Л. А. Токмакова, известного художника-иллюстратора, рассказывает о драгоценных камнях и адресована младшим школьникам.³ Книга писателя, журналиста, туриста Ю. Е. Ярового «Цветные глаза земли»⁴ повествует о драгоценных и поделочных камнях, о гранильном и камнерезном искусстве Урала.

Примеры подобного рода, которые можно множить и далее, свидетельствуют о том, что в 1950–1980-е гг. на Урале была сформирована

и активно развивалась традиция научно-популярной литературы для детей и юношества, которая актуализировалась вновь в первое десятилетие XXI в. В эти годы, когда распался «миф о культурной монолитности России» и возникло осознание того, что «реконструирование единого ствола русской культуры требует учета всех многообразных явлений, его составляющих»,⁵ на Урале были предприняты попытки создания книг хрестоматийного типа: в них включали художественные тексты, исторические документы и научно-популярные произведения. Эта совокупность источников должна была, по замыслу составителей и комментаторов текстов, ознакомить юного читателя с геокультурной спецификой края, сформировать представление о природе и истории Урала, о культуре и быте народов, его населяющих. Так, в начале XXI столетия в Екатеринбурге вышли в свет два учебных пособия, одно из которых было адресовано младшим школьникам, другое — среднему и старшему звену.⁶ Если первое издание знакомит ребенка главным образом с пространственной — геокультурной — спецификой края, то второе стремится «встроить» подростка-читателя во временную парадигму, на что указывают сами составители во вступительной статье, обращенной к учащимся: «На этот раз главным “героем” представленных вам текстов будет история Урала».⁷ В эти же годы выходит в свет трехтомное издание, посвященное образу Урала в литературных произведениях, документах и изобразительном искусстве.⁸ В этом учебном пособии хрестоматийного типа на основе самых разных материалов: художественных произведений (тексты Д. Н. Мамина-Сибиряка и П. П. Бажова, И. И. Ликстанова и В. П. Астафьева и др.), фольклорных текстов, истори-

¹ Дижур Б. А. Стеклянная река. Горсть соли. Свердловск, 1965; Она же. Жалобная книга природы. М., 1973; Волшебные руки труда и науки. Свердловск, 1974.

² Рябинин Б. С. Рассказы о верном друге. М., 1957; Он же. Вы и Ваш друг Рэкс. Пермь, 1959; Он же. Друг, воспитанный тобой. Магадан, 1987.

³ Токмаков Л. А. Мишин самоцвет: повесть. Свердловск, 1982. Следует отметить, что «Мишин самоцвет» — одна из двух книг, в которых и текст, и иллюстрации созданы автором, уроженцем Свердловска.

⁴ Яровой Ю. Е. Цветные глаза земли. Челябинск, 1984.

Харитоновна Екатерина Владимировна — к.филол.н., н.с. сектора истории русской литературы Института истории и археологии УрО РАН (г. Екатеринбург)
E-mail: ev_haritonova@mail.ru

* Исследование выполнено в рамках интеграционной программы УрО и СО РАН «Литература и история: сферы взаимодействия и типы повествования»

⁵ Одинокое В. Г. Литературный регионализм и культурная целостность // Сибирь. Литература. Критика. Журналистика. Памяти Ю. С. Постнова. Новосибирск, 2002. С. 21.

⁶ Хрестоматия по литературе Урала для начальной школы. Екатеринбург, 2002; Литература Урала: учеб. пособие хрестоматийного типа для основ. шк. Екатеринбург, 2007.

⁷ Литература Урала. С. 3.

⁸ Образ Урала в документах и литературных произведениях (от древности до конца XIX века). Екатеринбург, 2007; Образ Урала в документах и литературных произведениях (на материале XX века). Екатеринбург, 2008; Образ Урала в изобразительном искусстве. Екатеринбург, 2008.

ческих источников (документы XVI–XVII вв., отрывки из сочинений ученых — участников академических экспедиций XVIII в., материалы местной печати и т. п.) — предпринимается попытка показать, как на протяжении столетий — с XV до XX в. — менялось представление об Урале, каким был его образ в разные эпохи и периоды.

Названные издания, бесспорно, ставят и решают важные обучающие и воспитательные задачи, однако сегодня литературная и образовательная ситуация требует, чтобы разговор о прошлом края велся с подростком-читателем современными писателями на современном литературном языке.

В настоящей работе нас будет интересовать образ исторического прошлого Урала в осмыслении современных детских писателей (особенности его моделирования и репрезентации, влияние авторской картины мира на научно-популярный дискурс).

Объектом исследования стали три книги об Урале, написанные и изданные в последние годы: первые две книги принадлежат перу одного автора, однако написаны они в разные годы и каждая обладает явно выраженной содержательно-формальной спецификой, третья же книга — результат коллективного труда двенадцати уральских писателей.

Автор первых двух изданий — известная екатеринбургская писательница Светлана Аркадьевна Лаврова (р. 1964), по образованию и роду деятельности врач-нейрофизиолог, кандидат медицинских наук, автор более 50 научных трудов и нескольких патентов по специальности; как детский писатель известна с 1997 г. (издательством «Белый город» опубликовано более 30 детских познавательных книг Светланы Лавровой), лауреат нескольких престижных премий в области детской литературы. В этом трудно не увидеть продолжения устойчивой традиции: детский писатель, работающий в сфере научно-популярной литературы, одновременно является представителем другой профессии. По-видимому, функционирование в двух сферах деятельности, сосуществование в художественном сознании писателя, как минимум, двух картин мира — научной и эстетической — позволяет автору трансформировать научные знания, излагать их с высокой степенью доступности и занимательности.⁹

⁹ Ср. с исследованиями, изучающими врачебные взгляды писателей и их репрезентацию в художественном творчестве, напр.: Гейзер И. М. В. В. Вересаев. Писатель-врач. М., 1957.

Книга С. Лавровой «Урал. Кладовая земли»¹⁰ создает образ Урала прежде всего линейно-хронологически. Об этом свидетельствует композиционная организация материала: так, первая глава («Рождение Урала. Самое начало истории») последовательно повествует о раннем, «доисторическом» прошлом Урала, о заселении края и его христианизации, о «золотой лихорадке» на Урале и т. д. При этом отмечается, что уже в XVIII в. Урал воспринимался как центр горнодобывающей и металлургической промышленности. Затем в сознании россиян Урал превращается в центр золотодобычи, край промышленников и старообрядцев. В его образе акцентируются такие особенности региона, как его природные богатства (метафора «кладовая земли», традиционно относимая к Уралу, вынесена в название книги), удаленность от центра страны и в то же время тесная связь с ним (глава «Кесарю — кесарево. Непростые отношения Урала с царями»), некое трудноосознаваемое своеобразие («Странное место — Урал. Нет числа его загадкам и тайнам»¹¹). В целом же Урал изображается как пространство уникальное, но при этом интегрированное в пространство России и целого мира; история Урала также неповторима, но при этом связана с историческими процессами, протекавшими в России, и во многом ими обусловлена.

Другая книга С. А. Лавровой — «Потешные прогулки по Уралу»¹² — моделирует образ края в ином содержательно-стилистическом ключе: это забавный путеводитель в картинках. Текст представлен в вопросно-ответной форме, причем вопросы гротескно заострены: «Правда, что на Урале такие непонятные названия, потому что их специально придумывали, чтобы шпионы не догадались, что это означает и где расположено? Ведь на Урале так много военного оружия делают, всякие ракеты засекреченные. Это так?» (с. 17), или «Правда, что на Урале драгоценные камни просто под ногами валяются? Идешь по тропинке — лежит кусок малахита. Пнешь его ногой и идешь дальше — что я, малахита не видел?» (с. 18), или «Правда, что на Урале жуткая экология? Там выпадает желтый снег, идет зеленый дождь и ярко-малиновый град. Градины так похожи

¹⁰ Лаврова С. А. Урал. Кладовая земли. М., 2008.

¹¹ Там же. С. 5.

¹² Лаврова С. А. Потешные прогулки по Уралу. М., 2011. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте (в круглых скобках указываются страницы).

на ягоды, что птицы их по ошибке клюют и у них отрастают малиновые зубы» (с. 28). Из приведенных примеров становится ясно, что вопросы репрезентируют механизм людской молвы, слухов, домыслов в шутивно-пародийной форме, причем автор, очевидно, сознательно использует здесь такие устойчивые стереотипы восприятия Урала, как «кладовая земли», «место с плохой экологией», «работа на военную промышленность» и др. Также поводом для вопроса порой становится «открытие» из области случай народной этимологии (горы — горят) (с. 38) либо фонетическая ассоциация — языковая игра (Урал — удрал — украл) (с. 4). Формы репрезентации категории комического в книге разнообразны и могут составить предмет отдельного исследования, как и сопряжение, органичное единство вербального и визуального текстов, благодаря чему задача создания «потешного» путеводителя оказывается успешно решенной. Следует упомянуть о том, что он закономерно продолжает традиции, заложенные книгой Л. А. Токмакова «Потешные прогулки по Москве».¹³ Характерные для «потешных» путеводителей жанровые черты: шутивный тон, отсутствие дидактизма, занимательность и в то же время информативность, лаконизм, в определенной степени научность сведений — очевидно, должны привлечь внимание ребенка к истории и современности края.

Наконец, в 2011 г. вышла в свет книга «Каменный пояс России. Путешествие по Уралу с детскими писателями».¹⁴ В нее вошло 28 очерков о путешествиях по разным местам Урала. Авторы сборника — как известные писатели, так и начинающие — рассказывают исключительно о тех местах, которые они знают и любят, где они родились и живут или, по крайней мере, где они побывали сами. Все очерки яркие, лаконичные и выразительные.

С жанровой точки зрения статья являет собой синтез путевого очерка и приключения — очевидно, такова концептуальная установка составителей сборника. Так, во Вступлении к книге читаем: «В сборнике... каждая статья — это отдельное приключение. Читать его будет интересно и детям школьного возраста, и взрослым» (с. 5). Путешествия, разгадыва-

ние тайн, забавные приключения, бесспорно, привлекают внимание детской/подростковой аудитории. Как писал Н. Д. Тмарченко, «литература путешествий и приключений продолжает отвечать неустрашимой потребности человека жить и действовать в мире открытых возможностей и творческой инициативы».¹⁵

Анализ очерков, составивших книгу, позволяет утверждать, что в писательском сознании история и современность нерасторжимы: историческое прошлое неизменно возвращает его к событиям не столь уж давним.

Отсчет времени в очерках часто ведется с опорой на важные исторические события («во время Отечественной войны 1812 г.», «революция 1917 г.», «с началом Великой Отечественной войны»), но нередко используются и традиционные «меры» времени — год, столетие («полтора века назад», «сто лет назад», «в середине XIX века», «к началу XX столетия»). Порой основанием для отсчета времени становится событие, определяющее жизнь именно данного топоса — города или поселка. Таким событием может быть освящение храма, разрушение или начало его восстановления, получение поселком статуса города, окончание строительства и пуск завода, ставшего градообразующим предприятием, организующим жизнь всего населенного пункта.

Прошедшее время в очерках обозначается не только грамматическими средствами, но и с помощью слов и словосочетаний: «в старину», «как сказали бы в XIX веке», «раньше», «когда-то», «в те далекие времена», «к тому времени», «старый», «старинный». Прошедшему времени противопоставляется настоящее, имеющее следующее лексическое воплощение: «сейчас», «теперь», «современный».

Прошлое и настоящее в очерках иногда противопоставляются, причем положительными коннотациями наделяется именно минувшее (прошлое — значит качественное, настоящее, хорошее): «Правда, бревна эти старинные, не чета нашим современным» (О. Прохорова в очерке о Нижней Синячихе, с. 58) или «Когда в Советском Союзе шла борьба с религией, здание храма пытались снести, но не получилось: строили наши предки на века» (Е. Зорина в очерке о Берёзовском, с. 85). Впрочем порой прошлое и настоящее не противопоставляются, а сопоставляются, при этом вы-

¹³ Токмаков Л. А. Потешные прогулки по Москве. М., 2010.

¹⁴ Каменный пояс России. Путешествие по Уралу с детскими писателями. Екатеринбург, 2011. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте (в круглых скобках указываются страницы).

¹⁵ Тмарченко Н. Д. Авантюрная литература // Поэтика: словарь актуальных терминов и понятий. М., 2008. С. 8, 9.

являются не различия, а их сходство. Так, очерк о Нижнем Тагиле написан в форме воображаемого спора с оппонентом — юным читателем, который убежден, что раньше все было иначе: «Постойте-постойте, скажет юный читатель, так ведь это было сто лет назад! Жизнь в ту пору была совсем иной, люди даже думали и чувствовали по-другому, да вообще все у них было не такое, как у нас! Все это так. Да не так! Хочется слегка поспорить с юным, но проницательным читателем» (с. 48, 49). Основанием для сопоставления прошлого и настоящего становится то, что более всего интересно и понятно подростку, — развлечения и удовольствия. Б. Телков умело и тонко выстраивает очерк на основе, как он сам называет этот прием, «шуток-параллелей из прошлого века»: удивительная выпечка, кафе, кино, активная торговля и даже обилие торговцев-китайцев — эти явления не разделяют, а роднят современного подростка и жителей Нижнего Тагила столетней давности. В конце очерка автор подводит итог: «Ну что, юный читатель, думаю, я убедил тебя в том, что сто лет — это не такой уж большой срок для истории...» (с. 51).

Нередко в книге актуализируется идея смешения времен. Закономерно, что именно художник из Екатеринбурга А. Рыжков ощутил стиливую и временную эклектику в облике Верхотурья: «Здесь перемешаны времена и стили. Наведался в старинную лавку: два окна, между ними массивная дверь, как ворота. В лавке покупатель — высокий монах средневекового вида. Покупает вещь под названием “картридж”. А если зайти в пустое кафе? Официантка, макароны, котлета чудовищной величины. Обильный обед за сто рублей с видом на кремль» (с. 35). В образе Екатеринбурга также отражается соединение разнородных и одновременных стилей, идей, эпох: «В нашем городе все вперемешку. Такова его бурная история. Новое и старое перемежается...» (А. Папченко в очерке о Екатеринбурге, с. 75).

Кроме того, настоящее мыслится как время, разомкнутое в прошлое и будущее: осмысление связи настоящего с будущим, понимание того, что будущее обусловлено настоящим, имеет особое значение в издании, предназначенном для детской аудитории: «А желаю я чудному бажовскому краю долгой, счастливой будущности. Сознаю, желание мое насквозь эгоистично. Потому что будет процветать Полевской — будет жива и литература Бажова, а

значит, и наш писательский век еще не закончится» (А. Щупов в очерке о Полевском, с. 89).

Конструктивным приемом многих очерков становится мотив путешествия/перемещения во времени, часто осуществляемого при помощи транспорта: «Но пока маршрутка пусть переместит нас не в Екатеринбург, а в прошлое. В те времена, когда этот город чуть было не стал столицей Урала» (А. Рыжков в очерке о Верхотурье, с. 37). Кроме того, функцию медиатора — посредника между настоящим и прошлым — может выполнять дверца, ведущая, например, на колокольню Троицкого собора в Верхотурье: «Открывал я древнюю дверцу с опаской: а вдруг она ведет в XVII век? Как потом возвращаться?» (с. 36). Сам облик места способен вызвать мысли о прошлом. Так, в том же очерке А. Рыжкова о Верхотурье после красочного описания Троицкого собора читаем: «Шедевр архитектуры сибирского барокко. Невольно ждешь, что сейчас на фоне снега и белых стен увидишь алые стрелецкие кафтаны или черные треуголки солдат императора Петра» (с. 35). Кроме того, средством перемещения из настоящего в прошлое становится машина времени: «Внимание: вы находитесь в машине времени. Ваше путешествие в прошлое начнется через 10 секунд. Желаем вам приятного полета! 9, 8, 7, 6...» Думаете, это возможно только в кино или в фантастической повести о далеком будущем? А вы поверите, если я скажу, что вы можете запланировать свое путешествие во времени уже на ближайшие выходные? Для этого достаточно отъехать от Екатеринбурга всего лишь на 175 километров», — читаем в очерке О. Прохорова о Нижней Синячихе с симптоматичным названием: «Путешествие в прошлое» (с. 57). М. Юрина, рассказывая о своих детских впечатлениях от посещения Каповой пещеры, также использует образ машины времени: «Мне казалось, что вот-вот из темноты выйдет древний охотник. Дух захватывает! Как будто мы с Гришкой сели на машину времени и очутились во времена древнего человека» (с. 117). Образ машины времени возникает также и в очерке Андрея Щупова: «Ирбит. Город из красного кирпича», который в этом случае воспринимается как «гигантская машина времени» (с. 65). По-видимому, данный образ возникает столь часто на страницах книги, поскольку это понятный для подростка, знакомого с литературной и кинематографической фантастикой, способ перемещения во времени.

Мотив путешествия в прошлое, образ машины времени, нарушение временных границ, изображение прошлого как не вполне понятного, но чрезвычайно привлекательного мира со своими особенностями, закономерностями и тайнами, которые надлежит разгадать, — все эти жанрово-стилевые признаки фантастической литературы не отменяют достоверности сведений, сообщаемых в очерках, используются как средство популяризации научной информации и формирования интереса к ней среди детской, подростковой и юношеской аудитории.

Нередко источником знаний о прошлом становятся легенды, поверья, предания. Например, читаем: «А возле горы Тельпос-Из (на коми она называется “Гнездо ветров”, на манси — “Баба-идол”) старались не шуметь, потому что, по поверьям, здесь жил бог Войпель, повелитель ветра и холода. Разгневить бога легко — стоит только пошуметь. Тут же портится погода!» (Е. Габова, очерк «Северный Урал. Уральские красоты в краю коми», с. 8); «По одной из легенд (а вокруг Невьянской башни так много легенд!)...» (с. 60); «Поднимемся к старинным часам-курантам. Куранты — это еще одна тайна Невьянской башни. По преданию, эти часы трижды звонят перед несчастьем» (с. 62); «Предание — прекрасный орнамент истории — рассказывает, что помогла Татищеву девушка» (с. 68); «Про этот особняк в городе существует две легенды» (с. 70). Один из очерков книги, посвященный озеру Тургояк, назван «Озеро легенд» (с. 108, 109). Изложение преданий, поверий, легенд формирует у подростка представление о том, что эти народные знания о мире являются важными историческими и этнографическими свидетельствами о прошлом, благодаря которым можно узнать, как жили предки, что они любили и во что верили, а кроме того, фольклорные тексты, аккумулируя опыт прошлого, формируют у юного читателя представление об устной словесности народов Урала. Народный опыт «застывает» также в названиях городов, рек и озер, поэтому во многие очерки включены истолкования топонимов, которые выступают как своего рода хранители и носители культурно-исторической информации о разных эпохах.¹⁶

Кроме того, многие очерки репрезентируют семейно-родовую модель времени, благода-

ря чему актуализируется причастность места к жизни рода, например: «Побывали мы и в Ирбитском государственном музее — бывшем доме купцов Казанцевых. Его, по счастью, бережно отреставрировали. В годы советской власти в нем размещался роддом, и в нем же появилась на свет моя родня по отцовской линии. Удивительное это дело — бродить по залам, пространство которых некогда оглашалось криками новорожденных, понимая, что именно из этого дома ты и сам немножечко родом...» (с. 67). Очерк «Воркута. Стихи из дедушкиного чемодана» написан Д. Сиротинным в форме разговора мальчика с дедом, которые, в сущности, воплощают собой два поколения, два временных состояния (далекое прошлое — настоящее/будущее). Дед передает внуку не только собственный жизненный опыт, но и опыт предыдущих поколений, т. е. служит связи времен. Действительно старики выполняют важную социокультурную функцию хранителей исторического, мировоззренческого и социального опыта: «Старожилы поселка Косья до сих пор вспоминают “золотое время”, когда можно было набрать полные пригоршни золотого песка в ладони» (с. 41); «старожилы упоминают...», «старожилы утверждают...» (с. 41); «одни старожилы рассказывают...», «другие говорят...» (с. 52). Рассказывая историю возникновения Челябинска, А. Ядрышников также включает читателя-подростка и его семью в историческую парадигму: «Так что если свои тетрадки и дневники вы подписываете как Березин, Кокшаров, Заварухин, Смолин или Синеглазов, то не исключено, что среди ваших предков (или хотя бы родственников ваших предков) были основатели Челябинска. Примите наши поздравления» (с. 97).

Наконец, ценным свидетельством о прошлом может стать личный опыт писателя. Например, очерк М. Семенова «Вершины Урала. Непростая дорога на Манарагу» представляет собой рассказ о восхождении на одну из самых примечательных вершин Приполярного Урала (речь идет о событиях двадцатилетней давности). В очерке А. Ядрышникова о Челябинске подпись под одной из фотографий сообщает следующее: «Школа № 87, из окна которой (первый этаж) автор сего рассказа в шестом классе выпрыгнул на летние каникулы» (с. 99).

Многие очерки книги имитируют доверительную беседу. Например, очерк Е. Ленковской о Златоусте создает ситуации живого общения за счет обращений к читателю («ты»),

¹⁶ См. об этом: Чагин Г. Н. Исторические знания народов Урала в XIX — начале XXI века. Екатеринбург, 2011.

вопросов («Да знаешь ли ты, что такое белое оружие? Молодец. А я вот только недавно обнаружил...» (с. 100)), параллелей со школьным бытом («Сам понимаешь, циркулем по парте скрести совсем не то же самое, что по ней фломастером чиркать» (с. 101)).

Сюжеты некоторых очерков образуют истории связи выдающегося деятеля культуры с тем или иным местом на Урале: например, детство П. И. Чайковского связано с Алапаевском. Особо акцентированы связи с тем или иным топом известных писателей: А. С. Пушкина — с Оренбургом, Н. Г. Гарина-Михайловского — с Усть-Катавом, С. Т. Аксакова — с Уфой, Д. Н. Мамина-Сибиряка — с Екатеринбургом, А. Н. Толстого — с Невьянском, А. Грина — с Нижней Турой, П. П. Бажова — с Сысертью, Полевским и Екатеринбургом.

В заключение хотелось бы отметить, что содержательные и формальные особенности очерков, образ исторического прошлого Урала, конструируемый детскими писателями, во многом обусловлены спецификой художественного мира того или иного автора. Так, в книгах С. Лавровой особую роль играет комическое как эстетическая категория; в описаниях той или иной местности или эпохи профессиональный художник А. Рыжков особое

значение придает цвету. Сюжеты некоторых очерков непосредственно связаны с константами индивидуальной картины мира писателя. Например, Т. Михеева в очерке об Усть-Катаве пишет: «Как связаны между собой слова “трамвай”, “театр”, “река”? Для многих людей — никак. Но для меня они означают город, в котором я выросла» (с. 104). Следует отметить, что эти же «слова» являются лейтмотивами, по меньшей мере, двух недавних повестей писательницы.¹⁷

Итак, три книги об Урале, вышедшие в последние годы, выполняют важные просветительские задачи.¹⁸ Бесспорно, они содержат и транслируют исторические факты, однако нацелены эти издания не столько на передачу сведений, сколько на формирование исторических представлений.¹⁹ И книги С. Лавровой, и сборник очерков-путешествий раскрывают ценности прошлого, каким бы мрачным и суровым оно порой ни казалось; убеждают подростка-читателя в том, что его существование, включенное в дополнительное временное измерение, получает особую ценность и значимость; формируют, опираясь на познавательные, нравственные, эстетические мотивы, эмоционально-ценностное отношение к историческому прошлому Урала.

Ключевые слова: *научно-популярная литература, литература для детей и подростков, история, литература Урала*

Ekaterina V. Kharitonova

Candidate of Philological Science, Institute of History and Archaeology,
Ural branch of the RAS (Russia, Ekaterinburg)

E-mail: *ev_haritonova@mail.ru*

IMAGE OF THE HISTORICAL PAST OF THE URALS IN THE CONTEMPORARY POPULAR SCIENCE LITERATURE FOR TEENAGERS

The article gives a review of three recently published popular science books about the Urals addressed to a teenage audience. The author describes the specifics of presenting the image of historical past of the Urals, the methods used for the formation of value systems and the children' and teenagers' emotional attitude to the history of the region and the country in general, makes an attempt to understand and determine the influence of the author's world view on the popular science discourse.

¹⁷ Михеева Т. В. Легкие горы. М., 2012; Она же. Две дороги — один путь: повести. М., 2009. С. 7–150.

¹⁸ См.: Монзина Р. И. «Только книгу открой...» (книга «Путешествие по Уралу с детскими писателями» на уроках внеклассного чтения в 5–11 классах) // Аксиологические аспекты литературы: материалы науч.-практ. семинара словесников. Екатеринбург, 2012. С. 120–124.

¹⁹ О смысловом различии понятий «исторический факт», «свидетельство», «представление», «текст» см.: Зарецкий Ю. П. Стратегии понимания прошлого: теория, история, историография. М., 2011. С. 15–95.

Key words: *science and popular literature, literature for children and teenagers, history, literature of Ural*

REFERENCES FOR CITATION DATADASE

- Chagin G. N. Ekaterinburg: Izd-vo "Sokrat", 2011, 256 p. (in Russ.).
- Dizhur B. A. Moscow: Detskaya literatura, 1973, 240 p. (in Russ.).
- Dizhur B. A. Sverdlovsk: Sredne-Uralskoe knizhnoe izd-vo, 1965, 348 p. (in Russ.).
- Dizhur B. A. Sverdlovsk: Sredne-Uralskoe knizhnoe izd-vo, 1974, 102 p. (in Russ.).
- Geyzer I. M. Moscow: Gos. izd-vo meditsinskoy lit-ry, 1957, 148 p. (in Russ.).
- Kamennyy poyas Rossii. Puteshestvie po Uralu s detskimi pisatelyami* (Stone belt of Russia. Journey to the Urals with children's author). Ekaterinburg: Genri Pushel, 2011, 128 p. (in Russ.).
- Khrestomatiya po literature Urala dlya nachalnoy shkoly* (Readings on the literature of the Urals for elementary school). Ekaterinburg: U-Faktoriya, 2002, 624 p. (in Russ.).
- Lavrova S. A. Moscow: Belyy gorod, 2008, 47 p. (in Russ.).
- Lavrova S. A. Moscow: Ripol-Klassik, 2011, 40 p. (in Russ.).
- Literatura Urala: uchebnoe posobie khrestomatiynogo tipa dlya osnovnoy shkoly* (Literature Urals: textbook for primary school). Ekaterinburg: Magellan, 2007, 576 p. (in Russ.).
- Mikheeva T. V. *Dve dorogi — odin put* (Two roads — one way). Moscow: Vagrius, 2009, pp. 7–150. (in Russ.).
- Mikheeva T. V. Moscow: ID Meshcheryakova, 2012, 224 p. (in Russ.).
- Monzina R. I. *Aksiologicheskie aspekty literatury: materialy nauchno-prakticheskogo seminarra slovesnikov* (Axiological aspects of literature: proceedings of the workshop language and literature). Ekaterinburg: Ural. gos. ped. un-t, 2012, pp. 120–124. (in Russ.).
- Obraz Urala v dokumentakh i literaturnykh proizvedeniyakh (na materiale XX veka)* (The image of the Urals in the documents and literature (based on the XX century)). Ekaterinburg: Izd-vo "Sokrat", 2008, 376 p. (in Russ.).
- Obraz Urala v dokumentakh i literaturnykh proizvedeniyakh (ot drevnosti do kontsa XIX veka)* (The image of the Urals in the documents and literature (from ancient times to the end of the XIX century)). Ekaterinburg: Izd-vo "Sokrat", 2008, 376 p. (in Russ.).
- Odinokov V. G. *Sibir. Literatura. Kritika. Zhurnalistika. Pamyati Yu. S. Postnova: sb. nauch. tr.* (Siberia. Literature. Criticism. Journalism. Memory Yu. S. Postnova: collected papers). Novosibirsk: Izd-vo SO RAN, 2002, pp. 21–30. (in Russ.).
- Ryabinin B. S. Magadan: Magadanskoe knizhnoe izd-vo, 1987, 272 p. (in Russ.).
- Ryabinin B. S. Moscow: Molodaya gvardiya, 1957, 272 p. (in Russ.).
- Ryabinin B. S. Perm: Permskoe knizhnoe izd-vo, 1959, 360 p. (in Russ.).
- Tamarchenko N. D. *Poetika: slovar aktualnykh terminov i ponyatij: sb. nauch. tr* (Poetics: a dictionary of terms and concepts relevant: collected papers). Moscow: Izd-vo Kulaginoy; Intrada, 2008, pp. 8–9. (in Russ.).
- Tokmakov L. A. Moscow: Ripol-Klassik, 2010, 56 p. (in Russ.).
- Tokmakov L. A. Sverdlovsk: Sredne-Uralskoe knizhnoe izd-vo, 1982, 64 p. (in Russ.).
- Yarovoy Yu. Ye. Chelyabinsk: Yuzhno-Uralskoe knizhnoe izd-vo, 1984, 237 p. (in Russ.).
- Zaretskiy Yu. P. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2011, 384 p. (in Russ.).